

О. В. Горохова

<https://orcid.org/0000-0001-5380-3753>**Между любовью и «нелюбовью»: русский инвариант архетипа ребенка в отечественном кинематографе**

Выполнено по гранту Российского научного фонда 14-18-01833-II

В трактовке Карла Юнга архетип сравнивается с «осевой структурой кристалла». Следуя логике ученого, можно допустить, что в каждой личности и в каждой культуре эта осевая структура кристаллизуется по-своему, обрстая индивидуально-личным или самобытно национальным содержанием. Статья посвящена обоснованию русского инварианта архетипа ребенка как специфической ментальной модели, выросшей из фольклора, иконописи и дворянской культуры, дополненной рефлексией отечественной культурологической мысли конца XIX – начала XX в. и своеобразно проявившейся в искусстве. К существенным качествам этой модели можно отнести жертвенность и мессианство ребенка, тесную духовную связь детского и материнского мира, укорененность в традициях и роде, поэтичность и созерцательность детской души, глубинное творческое, созидательное начало. Предполагается, что эти качества, доминирующие, но, безусловно, не исключающие возможности актуализации других граней архетипа, долгое время определяли бытование детства в русской культуре. В XX и XXI вв. в советской и российской действительности происходят существенные трансформации: архетип ребенка, изначально определяемый любовью (к природе, дому, роду), сталкивается с тотальной «нелюбовью» – в обществе, в семье, в самом себе. В частности, разрывается связь с родом и домом, которые были средоточием и сердцем детского мира, теряется сокровенный и личностно необходимый смысл связь с природой. В отечественных кинематографических текстах как экстраполяции коллективного и индивидуального бессознательного в калейдоскопическом многообразии предстают проекции трансформаций архетипа ребенка (в частности, в фильмах С. Эйзенштейна, Н. Михалкова, А. Тарковского, Р. Быкова, Е. Евтушенко). В ментальном поле современной отечественной культуры размывание национальной специфики архетипических матриц продолжается уже под влиянием глобализационных процессов.

Ключевые слова: архетип, ребенок, отечественный кинематограф.

O. V. Gorokhova

Between love and «unlove»: Russian invariant of the child's archetype in Russian cinema

In Carl Jung's interpretation, the archetype is compared with the «axial structure of the crystal». Following the logic of the scientist, it can be assumed that in every person and in every culture this axial structure is crystallized in its own way, acquiring the individually-personal or national original content. The article is devoted to the substantiation of the Russian invariant of the child's archetype as a specific mental model, which grew out of folklore, iconography and noble culture, supplemented by the reflection of the domestic cultural thought of the late XIX – early XX centuries and originally manifested in art. To the essential qualities of this model can be attributed: sacrifice and the Messiahship of the child, the close spiritual bond of child and mother, the rootedness in traditions and family, the poetry and contemplation of the child's soul, deep creative essence. It is assumed that these qualities, dominating, but certainly not excluding the possibility of actualization of other aspects of the archetype, for a long time have determined the existence of childhood in Russian culture. In the XX and XXI centuries in the Soviet and Russian reality there are essential transformations: the child's archetype, initially defined by love (to the nature, home, family), faces total «unlove» – in society, in a family, in itself. In particular, there happened disruption of the connection with the family and home, which were the focus and the heart of the child's world; the intimate and personally necessary connection with nature loses its sense. In Russian cinematic texts as the extrapolation of the collective and individual unconscious in a kaleidoscopic variety there reflected projections of transformations of the child's archetype (in particular, in the films of S. Eisenstein, N. Mikhalkov, A. Tarkovsky, R. Bykov, Y. Yevtushenko). In the mental field of modern national culture erosion of national specificity of archetypal matrices has continued under the influence of globalization processes.

Keywords: archetype, child, Russian cinema.

Архетипы были и остаются душевной жизненной мощью, которая желает, чтобы ее приняли всерьез, и которая причудливым образом следит за тем, чтобы выказать себя. Они всегда были носителями защиты и исцеления, и их уязвление влекло за собой «потери души»...

Карл Юнг «Божественный ребенок»

Феномен детства, все то, что мы о нем предположительно знаем, то, как мы его представляем, – это результат взрослой рефлексии, бытовой, научной, художественной. Это синтез воспоминаний о собственном детстве, часто выборочных и искаженных, личного повседневного опыта, у всех

очень разного, и архетипических представлений. Вероятно, именно архетипические представления можно назвать той устойчивой, инкорпорированной в нас моделью, с позиций которой мы судим о детстве и внутри одной культуры приходим к согласию друг с другом в этих суждениях, выдвигаем определенные требования и ожидания по отношению к детям.

Архетип ребенка в классической трактовке Карла Юнга – это «медиатор», «носитель исцеления», «делатель целого» [16, с. 361]. Он обладает некоторыми универсальными и, в сущности, дихотомичными признаками: «меньше малого, но больше большого»; укорененность в природном мире и одновременно стремление вырваться из него в мир социальности – к деяниям, подвигам и осуществлению себя, отсюда – отторжение от истоков и одиночество. Всплывая в индивидуальных снах и фантазиях, он сигнализирует о стагнации личности и подготавливает грядущие изменения [16, с. 356–378]. Проецируя данную Юнгом характеристику с индивидуального состояния на социокультурное, можно предположить, что в разные историко-культурные периоды особенно пристальный интерес к детству, акцентирование определенных проблем детства и трансформации детских архетипических образов являются констатацией застоя взрослого общества и стремлением увидеть или взрастить в детях (как проекции мечтанного будущего) новых героев.

Карл Юнг утверждал, что «сам по себе архетип представляет собой пустой формальный элемент, <...> данную априори возможность той или иной формы представления» [16, с. 386], и сравнивал архетип с «осевой структурой кристалла» [16, с. 385]. Следуя логике ученого, можно допустить, что в каждой личности и в каждой культуре эта осевая структура кристаллизуется по-своему, обрастая индивидуально-личным или самобытно национальным содержанием.

В исследованиях, посвященных осмыслению детства в архетипическом (Т. С. Злотникова [6]), искусствоведческом (П. Д. Волкова [4], М. Эпштейн и Ю. Юркина [15]) и социальном (П. С. Гурин [5]) дискурсах, детство в национальном модусе анализируется, но обычно не выделяется как специфическая ментальная модель. Представляется возможным и вполне правомерным говорить о наличии *русского* инварианта архетипа ребенка.

В европейской культуре долгое время, от Средневековья до эпохи Просвещения, существовала достаточно устойчивая традиция восприятия

ребенка либо в религиозно-символической парадигме – как образ безгрешной души (о чем свидетельствуют исследования в области изобразительного искусства родоначальника истории детства Ф. Арьеса [1]), либо в социально-бытовой парадигме – как маленького, неполноценного взрослого. Н. Я. Берковский отмечал, что еще XVII в. (а вслед за ним и XVIII в.) «понимал ребенка как взрослого маленького формата, даже одевал детей в те же камзолы, прихлопывая их сверху паричками с косичкой и под мышку подсовывал им шпажонку» [3, с. 31]. Отношение к детству как к самоценному и достойному вниманию жизненному периоду формируется под влиянием сентиментализма и романтизма.

Архетип ребенка в поле русской культуры, подобно русской ментальности в целом, складывался в парадоксальном сплаве язычества и христианства, западных и восточных влияний. Он питался фольклорными традициями, с их универсальными моделями и мотивами, которые подробно исследуются, в частности, В. Проппом, и специфически славянскими образами: например, сказочный «негероический» герой Иванушка-дурачок.

На модальность присутствия архетипа ребенка в национальном самосознании, безусловно, повлияло иконописное искусство, в котором одним из любимых сюжетов (вернее – иконографических типов) стало «Умиление»: младенец Христос тянется к Богородице, обнимая Ее и прижимаясь щекой к Ее щеке. В отличие от европейских Мадонн, в этих образах нет акцента на женской красоте и привлекательности Богородицы – и дело не только в иконописной условности. Богородичные иконы – о материнстве, о тонкой духовной связи матери и ребенка. Так, в «Устюжском Благовещении» трогательно и удивительно точно передан взгляд Богородицы, погруженный внутрь, в мысли о младенце, в ожидание Его. И словно в ответ на этот взгляд младенец зримо вырастает в Ее сердце, и красная нить, протянутая к Нему вместе с рукой Богородицы, – словно пуповина, связывающая их навеки.

Неразрывность детского и материнского стала камертоном и русской дворянской культуры, около полутора веков формировавшей духовный хронотоп нашей страны. Возникновение интереса к ребенку как к самоценной личности Ю. М. Лотман соотносит с концом XVIII в., когда под влиянием французских сентименталистов «постепенно в культуру входит представление о том, что ребенок – это и есть нормальный человек, <...> в до-

машный быт вносятся отношения гуманности, уважения к ребенку» [7, с. 70], и ставит развитие этих отношений в заслугу женщинам.

Выделенность детства начинается с любви, прежде всего материнской, иногда отстраненно проявлявшейся только в выборе няни, иногда искренней и трепетной. Миром «материнского» для ребенка становятся детская и дом (или усадьба) в целом, с привычным пространством домашних занятий и игр, традиций и родовых связей, природы и смены времен года. Неслучайно мысль о том, что Россия выросла из дворянского гнезда, из детской, выходящей окнами в прекрасный сад, стала основой последней пьесы А. Чехова. В произведениях И. Гончарова, И. Тургенева, Л. Толстого, И. Шмелева детство погружено в обжитой мир дома и природы и освящено им, тогда как у А. Пушкина или М. Лермонтова не радовавшее детство не нашло соответствующей рефлексии.

Причем связь с родом и домом, любовь к природе становятся *универсальной* – без привязки к дворянству – характеристикой архетипа ребенка в русской культуре. В полотнах А. Венецианова, М. Нестерова, В. Васнецова, К. Петрова-Водкина, в рассказах М. Пришвина и К. Паустовского дети окружены реальностью природы и атмосферой сказки, в них любовно отмечены черты наивности, высокой простоты и предельной серьезности, граничащие со святостью.

Разрыв связей, необходимых для гармоничного и своевременного проживания детства, воспринимается как проблема и трагедия – не только личностная, но и общественная. Так, в картине В. Перова «Тройка» бытовой эпизод возводится до символа: место тройки лошадей занимают дети-мастеровые, вынужденные из последних сил везти обледеневшую бочку с водой. В метафорическом значении тройка – это образ России («птица-тройка» Н. Гоголя), который в интерпретации В. Перова обретает пророчески безысходное звучание: страна, в которой унижены дети, которая взваливает на детские плечи всю тяжесть времени, обречена. Тройка – это и библейская Троица: дети, во внешности которых показана почти ангельская чистота, становятся жертвами этого мира, принимая на себя и искупая своими страданиями его несправедливости.

Так и в картине мира А. Платонова, писателя уже XX в., теряет смысл и рушится мироздание, «если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем» [10, с. 360], если котлован для строительства нового мира превращается в детскую могилу. Сам ребен-

нок в восприятии писателя, как герой рассказа «Корова», изучаемого в школе и ставшего основой одноименного анимационного фильма А. Петрова, «с малолетства уже полный человек, а у него еще все впереди» [9]. В рассказе Платонова «Семен» вновь звучит архетипическая, по сути, мысль о неразрывной связи ребенка с домашним (материнским) миром: семилетний мальчик после смерти матери берет на себя ее роль (причем буквально – надев ее платье и капот и готовясь вести хозяйство и воспитывать младших детей), лишь бы не пришла в дом чужая женщина и не порвалось их трудное, но столь ценное для него семейное единство.

Рядом с национально-культурной традицией сложилась научная традиция интерпретации детства, ярким и самобытным феноменом которой стала отечественная культурологическая мысль рубежа XIX–XX вв.: в качестве основного объекта рефлексии философов и писателей выступила самоценная человеческая личность, осмысливаемая через характеристики свободы, любви, смерти и детства. По определению Н. Бердяева, «весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой» [2, с. 11]. Именно русские философы рубежа веков вводят категорию детскости, интерпретируя ее прежде всего в теологическом аспекте – через святость, софийность, ангельскую сущность и надежду на исполнение в этом мире божественного, домостроительного (по сути – творческого) замысла. Актуализация божественно-творческого осуществляется через обращение к исконно детскому в себе: «Секрет творчества – в сохранении юности. Секрет гениальности – в сохранении детства, детской конституции на всю жизнь» [13, с. 438].

По мнению В. Розанова [11], именно ребенок наиболее явственно обнаруживает трансцендентность человеческого существа. Младенец – это не только сияние жизни, не только свежесть и чистота, утрачиваемые с годами, но это еще и явление той единственно бесспорной безгрешности, какую в земной жизни знает и испытывает человек. Ребенок – воплощение творческого начала, которое с возрастом может «потемнеть», уйти, но именно оно приближает нас к божественному первоисточнику и отвечает истинно человеческому в нас.

Таким образом, выросший из фольклора, иконописи и дворянской культуры, существенно дополненный рефлексией и чаяниями отечественной культурологической мысли конца XIX – начала XX в. и своеобразно проявившийся в искусстве,

архетип ребенка в поле русской ментальности обретает следующие качества:

- чистота, святость, жертвенность, мессианство (ребенок – жертва и спаситель мира);
- тесная духовная связь детского и материнского мира;
- любовь к родной земле и родному дому, укорененность в традициях и роде;
- поэтичность и созерцательность детской души;
- глубинное творческое, созидательное начало.

Можно предположить, что именно эти качества, доминирующие, но, безусловно, не исключая возможности актуализации других граней архетипа, долгое время определяли бытование детства в русской культуре и были переосмыслены в отечественном искусстве XX–XXI вв., в том числе в кинематографе.

Исследование актуализации архетипа ребенка в кино представляется значимым не только по причине популярности и особой статусности этого вида искусства в иерархии массовой культуры, но и в силу его изначальной ориентированности на коммуникативные и выразительные средства, связанные с апелляцией к бессознательному. По мнению ряда исследователей, в частности Н. А. Хренова, развивающего идеи В. Бенямина и М. Маклюена, кино является способом реабилитации и выражения коллективного бессознательного [14, с. 43–44], «активность архетипического сознания в фильме – следствие изменения отношений между вербальными и визуальными слоями культуры, а точнее, повышения статуса визуального слоя» [14, с. 48].

В контексте отечественных реалий важным является тот факт, что в России архетипичность детских образов, представленных в кино, либо противостояла идеологизированности, либо адаптировалась к ней: долгое время кинопроизводство развивалось под контролем советского государства, воспринимавшего фильмы – особенно на этапе формирования идеологии – одним из главных средств пропаганды. Культура советской эпохи была сильна своей официальной (идеологической) доминантой и ориентацией на усредненность и единомыслие во всех сферах жизни, в том числе – в творчестве. Искусство, наука, образование в своих официальных рамках фактически сближались с производством и целями индустриализации. Видимо, уже тогда возник распространенный и в наше время феномен «фабричности» и симулятивного воспроизводства культуры, сформулированный Н. Бухариным в знаменитой сен-

тенции: «мы будем штамповать интеллигенцию, будем вырабатывать ее, как на фабрике» [12, с. 67].

«Выработка» людей с новыми ценностями подразумевала работу не только с сознанием, но и с бессознательным, прежде всего с устойчивыми архетипами. Как убедительно отмечал К. Юнг, от архетипов невозможно «отречься» или избавиться, поэтому «всякая, вновь достигнутая ступень культурной дифференциации сознания сталкивается с задачей отыскания нового толкования» [16, с. 353] архетипа. Если «новое толкование» не опирается на предшествующий опыт, «возникает сознание, лишенное корней, и, не ориентирующееся больше на прошлое, оно беспомощно изнемогает под всеми суггестиями» [16, с. 353]. В советскую эпоху происходил официально сконструированный и одобренный процесс размывания и перекраивания исконных архетипических матриц с целью формирования «беспомощного» сознания, податливого к суггестиям. То, что Карл Юнг считал «моральной катастрофой» [16, с. 349] и «потерей души» [16, с. 352], на длительное время стало политической и социокультурной целью государства, стремившегося порвать с прошлым.

Так менялся архетип ребенка, не теряющий изначальных качеств, но претерпевающий в советской действительности ряд содержательных трансформаций, которые продуцировались новыми условиями жизни: вместо воспитания в кругу домашних и родовых традиций – ранняя социализация в яслях и детском саду, вместо индивидуально проживаемого, созерцательного или осмысленно деятельного детства – система обязательной пионерии и общественных работ, вместо привязанности к роду – привязанность к партии и готовность отречься от семьи и предать родных, если этого потребует государство.

Интересен в этом смысле незавершенный фильм С. Эзейнштейна «Бежин луг» (1935–1937 гг.), названием отсылающий к художественному произведению XIX в. (тонкой, окрашенной мистическими красками и тяготеющей к фольклорным традициям истории И. Тургенева о крестьянских мальчиках), но содержательно опирающийся на противоположную по смыслу, документальную историю из XX в. – о Павлике Морозове, трагическая судьба которого была превращена в политический миф. Эйзенштейн создает свой, как представляется, квазифольклорный кинотекст, насыщенный архетипическими образами (ребенок, мать, отец, старуха) и мотивами (инициация – предательство отца; жертвоприношение – убий-

ство сына), по форме авангардный и в некоторых эпизодах гротескный до карикатурности. Главный герой фильма – светловолосый мальчик Степок, напоминающий сказочного Иванушку или отрока Варфоломея с картины М. Нестерова, – визуально и характерологически, казалось бы, соответствует традиционному архетипу: он оплакивает смерть убитой отцом матери, спасает, рискуя жизнью, голубей во время пожара, доверчиво улыбается миру. Но в нем уже явлена константа совсем другого типа личности – по-новому активного, смеющегося над «старорежимными» взрослыми, рвущего родственные и культурные связи. Это, безусловно, только художественный образ, но весьма далекий от своих прототипов из одноименного произведения XIX в. – смелых, но мечтательных тургеневских мальчиков, верящих в таинственную связь людей и природы, повседневного и потустороннего.

Различия (точнее – разрыв) в бытовании детства в российской и советской действительности по-своему представил Н. Михалков в документальном фильме «Анна. От 6 до 18», создававшимся в переломное для страны время – на рубеже 1980–1990 гг. В этом фильме режиссер выступает не просто наблюдателем, но исследователем: задавая каждый год своей подрастающей дочери четыре простых вопроса, сопоставляя психологический контекст ее взросления с историческим контекстом, он создает хлесткий, во многом субъективный, но убедительный эскиз (более того – картину мира) детства на фоне слома эпох. И очевидно, для режиссера этот долго, трудно и опасно (фактически – подпольно) снимавшийся фильм был очень важен, фундаментально важен. Незадолго до того он создает другую киноработу – о другом времени и другом детстве: «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» (1979 г.), в котором трогательный и живой образ маленького Илюши Обломова персонифицирует и раскрывает все качества архетипа ребенка, исторически сложившиеся в русской культуре. Режиссер видит в этом образе гармонию и цельность, которых, по его мнению, лишена его подрастающая дочь.

Двумя фильмами Н. Михалков констатирует разрыв в духовной и поколенческой цепочке бытования детства в отечественной культуре и его художественного (в частности, основанного на архетипических представлениях) осмысления. Разрыв как рана зияющая, и два фильма, противоположных по визуальным решениям, ритму и атмосфере, – попытка показать ее края. Сам Михалков формулирует сущность и нерв этого разрыва

вопросом, который задает самому себе в начале фильма «Анна»: «Где та точка, в которой два детства – мальчика из давно ушедшей, Российской империи и маленькой девочки из советской империи – расходятся и сойдутся ли они когда-нибудь?» [8].

Реалии, смонтированные в документальном фильме, подводят к заключению, что разрыв, или «точка расхождения», коренится в бездуховности советской эпохи, понимаемой через синонимическое поле безверия, вседозволенности и потребительства. Интересно, что нашей эпохе, парадоксально соединившей отзвуки тоталитарного культа с идеологией массовой культуры, современные режиссеры ставят тот же диагноз: «Духless» (2011 г.) и «Духless-2» (2015 г.) Р. Прыгунова, «Глянец» А. Кончаловского (2007 г.), «Левиафан» (2014 г.) и «Нелюбовь» (2017 г.) А. Звягинцева, «Теснота» К. Балагова (2017 г.).

Таким образом, архетип ребенка в его российском дискурсе, выросший из любви и определяемый любовью (к природе, дому, роду), сталкивается в XX в. с тотальной «нелюбовью» – в обществе, в семье, в самом себе. В кинематографических текстах как экстраполяции коллективного и индивидуального бессознательного можно в калейдоскопическом многообразии разглядеть последствия этой «нелюбви».

Разрывается связь с миром взрослых, прежде всего – с родителями: сиротство ребенка (в концепции Юнга – универсальный архетипический мотив) становится не столько физическим, сколько эмоциональным. Ребенок либо лишается любви и внимания взрослых, погрязших в своей благополучной или неблагополучной жизни («Пацаны» Т. Асановой, «Я сюда больше никогда не вернусь» Р. Быкова, «Волчок» В. Сигарева, «Нелюбовь» А. Звягинцева), либо сам избегает их внимания, не доверяя взрослым ни спасение собственной жизни («Сестры» С. Бодрова), ни спасение мира («Гостя из будущего» П. Арсенова).

Так, в фильме Андрея Тарковского «Иваново детство» (1962 г.) «нелюбовью» оборачивается не только война, поглотившая жизнь мальчика, вторгающаяся даже в его звонкие и солнечные сны о матери, но и мирное существование среди взрослых, только говорящих друг другу о возможности усыновления Вани, но не решающихся на этот ответственный и, видимо, невозможный для них шаг любви. «Да что Вы мне, отец что ли, решать!» – выкрикивает мальчик в ответ на приказ отправиться в Суворовское училище и, никому не нужный, бросается в смерть, словно принося себя

в жертву за погибшую мать и погибшее детство. В фильме «Сталкер» (1979 г.) маленькая дочь главного героя, живущая словно на грани двух пространств – реального и потустороннего, становится искупительной жертвой и проекцией этого двоимирия: не способная ходить, она оторвана от земли, не способная говорить, она лишена силы произнесенного слова, но ей даны сверхъестественные умения. Она глубже и сокровеннее взрослых, даже глубже своих родителей, связана с таинственным и страдающим миром.

В кинотекстах Андрея Тарковского, создававшихся и существовавших словно в параллельном официально одобренному – духовном – измерении, образ ребенка всегда преемственен ментально сложившемуся в русской культуре архетипу. Он не схематичен, скорее глубоко личностен, подчас – автобиографичен, как в фильме «Зеркало», но в нем сквозит надличностная основа, сближающая его с художественными образами XIX в. Тем острее и пронзительнее ощущается бесприютность и потерянности ребенка в реалиях XX в.

Теряется связь с домом: если традиционно уход из дома – как испытание или приключение – завершался счастливым возвращением, дом был средоточием и сердцем детского мира, то теперь ребенок уподобляется страннику. Его жизнь разворачивается в опасную и драматичную «сказку странствий» (фильм А. Митты, 1983 г.), «домом» для него становится дорога. Так, в автобиографическом художественном фильме поэта Евгения Евтушенко «Детский сад» (1983 г.) лирического героя – мальчика, прообразом которого был сам поэт, – мать отправляет из военной Москвы в эвакуацию, в Сибирь, где дом бабушки становится лишь временной остановкой в нескончаемом пути, снятом в брейгелевских тонах и с соответствующими аллюзиями. Символом этого пути становится полуреальный-полусновидческий проход мальчика через военный, суеющийся и неприкаянный город (как будто через всю страну) к реке, куда герой выпускает из аквариума золотую рыбку. Рыбка предстает метафорой наивного, беззаботного, сказочного детства, с которым расстанется мальчик, одновременно это и образ бездомного существа: реку не сравнишь с домом, стихию воды очевиднее уподобить непредсказуемости дороги.

В фильме Ролана Быкова «Чучело» (1983 г.) по одноименной повести В. Железникова дом, хранящий старинные картины и память предков, не становится родным для подростка Лены Бессольцевой. Он прорастает в сердце, навязывает опре-

деленный строй жизни, равняющийся на прошлое, но он так же неуместен в новой жизни, как чистота и жертвенность самой Лены, как интеллигентность и бескорыстие ее дедушки. Заколачивание ставен – сродни вырубке вишневого сада в финале чеховской пьесы – как заколачивание крышки гроба, как приговор городу (обществу), выжившему Бессольцевых и едва ли сознающему их отъезд как потерю: только в одноклассниках Лены (возможно, лишь на время) пробуждаются изначально детские, искаженные равнодушием поломанных взрослых черты. И в финале фильма портрет девочки из XIX в. и лица ее ровесников из XX в. – словно две параллельные прямые из разных систем координат, которые сойдутся ли?

Если в «Чучеле» дом несовместим с реальностью, то в фильмах А. Звягинцева «Левиафан» и «Нелюбовь» дом трагически несовместим с жизнью ребенка: оба фильма завершаются его разрушением. Режиссер подробно показывает, как машины ломают «кости» дома, как детская превращается в точку невозврата.

Не утрачивается окончательно, но *теряет сокровенный и личностно необходимый смысл связь с природным миром:* детство, сопряженное с городскими ритмами и ландшафтами, устремленное в утопическое урбанистическое и механизированное будущее, уходит все дальше от интуиции и созерцательности неспешной красоты природы. Ребенок-пионер (не просто носитель красного галстука, но первооткрыватель), естествоиспытатель, космический путешественник, самостоятельный, увлеченный и часто обладающий сверхспособностями, становится универсальным персонажем советских детских фильмов: «Отроки во Вселенной» Р. Викторова (1974 г.), «Большое космическое путешествие» В. Селиванова (1974 г.), «Приключения Электроника» К. Бромберга (1979 г.), «Гостя из будущего» П. Арсенова (1984 г.).

В ментальном поле современной отечественной культуры размывание национальной специфики архетипических матриц продолжается уже под влиянием глобализационных процессов: нежный, любящий, созерцательный ребенок в сознании взрослых, толпами ведущих детей на разнообразные конкурсы и телевизионные шоу, уступает место активному и успешному (желательно – по-взрослому успешному) маленькому герою. Единственным устойчивым во все времена качеством архетипа ребенка остается его мессианство: ребенок в современном обществе – воплощение либо чаяний родителей на спасение их несбыв-

шихся желаний, либо надежд государства на формирование надежного и патриотичного гражданина. Хотя сами дети и подростки, увлекающиеся японскими аниме, диснеевскими и пиксаровскими мультфильмами, погруженные в мир брендов и успешных героев массовой культуры, искренне не понимающие зашоренность и «нелюбовь» взрослого мира, с сомнительной вероятностью захотят становиться жертвами и спасателями – и в этом их правда.

Библиографический список

1. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке [Текст] / Филипп Арьес ; пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 1999. – 416 с.

2. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря [Текст] / Николай Александрович Бердяев ; сост. и послесл. П. В. Алексеева ; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. – М. : Республика, 1995. – 383 с.

3. Берковский, Н. Я. Романтизм в Германии [Текст] / Наум Яковлевич Берковский. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 512 с.

4. Волкова, П. Д. Мост через бездну [Текст] / Паола Дмитриевна Волкова. – Книга 3. – М. : Зебра Е, 2014. – С. 99–239.

5. Гурин, С. П. Проблема маргинальности в антропологии [Текст] / Станислав Петрович Гурин ; под ред. Н. И. Петрова. – Саратов : СГСЭУ, 2002. – 132 с.

6. Злотникова, Т. С. Гендерный и возрастной аспекты архетипа современной массовой культуры [Текст] / Татьяна Семеновна Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 4. – С. 11–17.

7. Лотман, М. Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) [Текст] / Михаил Юрьевич Лотман. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 544 с.

8. Михалков, Н. С. Анна. От 6 до 18 [Электронный ресурс] / Никита Сергеевич Михалков. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ohMPOCDhNd8>, свободный. Проверено 27.02.2018.

9. Платонов, А. П. Коровя [Электронный ресурс] / Андрей Платонович Платонов. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1191/p.1/index.html>, свободный. Проверено 25.03.2018.

10. Платонов, А. П. Котлован [Текст] : сборник / Андрей Платонович Платонов. – М. : Олимп, АСТ, 1999. – С. 237–363.

11. Розанов, В. В. Религия. Философия. Культура : сборник [Текст] / Василий Васильевич Розанов. – М. : Республика, 1992. – 397 с.

12. Романовский, С. И. Нетерпение мысли, или Исторический портрет радикальной русской интеллигенции [Текст] / Сергей Иванович Романовский. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. – 101 с.

13. Флоренский, П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней [Текст] / Павел Флоренский // Космос детства: антология / редкол.: А. А. Грякалов (пред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2009. – С. 167–213.

14. Хренов, Н. А. Образы «Великого разрыва». Кино в контексте смены культурных циклов [Текст] / Николай Андреевич Хренов. – М. : Прогресс-Традиция, 2008. – 536 с.

15. Эпштейн М., Юркина Ю. Образы детства [Текст] / Михаил Эпштейн, Юлия Юркина // Новый мир. – 1979. – № 12. – С. 242–257.

16. Юнг, К. Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание [Текст] : сборник / Карл Густав Юнг ; сост. П. С. Гуревич. – М. : Олимп; АСТ-ЛТД, 1997. – 400 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Ar'es, F. Rebenok i semejnaja zhizn' pri Starom porjadke [Tekst] / Filipp Ar'es ; per. s franc. Ja. Ju. Starceva pri uchastii V. A. Babinceva. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. Un-ta, 1999. – 416 s.

2. Berdjaev, N. A. Carstvo Duha i carstvo Kesarja [Tekst] / Nikolaj Aleksandrovich Berdjaev ; sost. i poslesl. P. V. Alekseeva ; podgot. teksta i prim. R. K. Medvedevoj. – M. : Respublika, 1995. – 383 s.

3. Berkovskij, N. Ja. Romantizm v Germanii [Tekst] / Naum Jakovlevich Berkovskij. – SPb. : Azbuka-klassika, 2001. – 512 s.

4. Volkova, P. D. Most cherez bezdnu [Tekst] / Paola Dmitrievna Volkova. – Kniga 3. – M. : Zebra E, 2014. – S. 99–239.

5. Gurin, S. P. Problema marginal'nosti v antropologii [Tekst] / Stanislav Petrovich Gurin ; pod red. N. I. Petrova. – Saratov : SGSJeU, 2002. – 132 s.

6. Zlotnikova, T. S. Gendernyj i vozrastnoj aspekty arhetipa sovremennoj massovoj kul'tury [Tekst] / Tat'jana Semenovna Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2002. – № 4. – S. 11–17.

7. Lotman, M. Ju. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Tekst] / Mihail Jur'evich Lotman. – SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. – 544 s.

8. Mihalkov, N. S. Anna. Ot 6 do 18 [Jelektronnyj resurs] / Nikita Sergeevich Mihalkov. – Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=ohMPOCDhNd8>, svobodnyj. Provereno 27.02.2018.

9. Platonov, A. P. Korova [Jelektronnyj resurs] / Andrej Platonovich Platonov. – Rezhim dostupa: <http://ilibrary.ru/text/1191/p.1/index.html>, svobodnyj. Provereno 25.03.2018.

10. Platonov, A. P. Kotlovan [Tekst] : sbornik / Andrej Platonovich Platonov. – M. : Oлимп; AST, 1999. – S. 237–363.

11. Rozanov, V. V. Religija. Filosofija. Kul'tura : sbornik [Tekst] / Vasilij Vasil'evich Rozanov. – M. : Respublika, 1992. – 397 s.

12. Romanovskij, S. I. Neterpenie mysli, ili Istoricheskiy portret radikal'noj russkoj intelligencii [Tekst] / Sergej Ivanovich Romanovskij. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2000. – 101 s.

13. Florenskij, P. Detjam moim. Vospominanija proshlyh dnei [Tekst] / Pavel Florenskij // Kosmos detstva: antologija / redkol.: A. A. Grjakalov (pred.) [i dr.]. – M.: ROSSPJeN, 2009. – S. 167–213.

14. Hrenov, N. A. Obrazy «Velikogo razryva». Kino v kontekste smeny kul'turnyh ciklov [Tekst] / Nikolaj Andreevich Hrenov. – M.: Progress-Tradiciya, 2008. – 536 s.

15. Jepshtejn M., Jurkina Ju. Obrazy detstva [Tekst] / Mihail Jepshtejn, Julija Jurkina // Novyj mir. – 1979. – № 12. – S. 242–257.

16. Jung, K. G. Bozhestvennyj rebenok: Analiticheskaja psihologija i vospitanie [Tekst]: sbornik / Karl Gustav Jung; sost. P. S. Gurevich. – M.: Olimp; AST-LTD, 1997. – 400 s.

Reference List

1. Aries F. Child and family life at the Old regime / Philip Aries; translated from French by Ya.Yu. Startsev with the assistance of V. A. Babintsev. – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 1999. – 416 p.

2. Berdyaev N. A. Kingdom of Spirit and kingdom of Caesar / Nikolay Aleksandrovich Berdyaev; author and afterword P. V. Alekseeva; text and comment of R. K. Medvedeva. – M.: Respublika, 1995. – 383 p.

3. Berkovsky N. Ya. Romantizm in Germany / Naum Yakovlevich Berkovsky. – SPb.: Azbuka-klassika, 2001. – 512 p.

4. Volkova P. D. Most through chasm / Paola of Dmitriyevn Volkov. – Book 3. – M.: Zebra E, 2014. – P. 99–239.

5. Gurin S. P. Problem of marginality in anthropology / Stanislav Petrovich Gurin; under the editorship of N. I. Petrov. – Saratov: SGSEU, 2002. – 132 p.

6. Zlotnikova T. S. Gender and age aspects of an archetype of modern popular culture / Tatiyana Semenovna

Zlotnikova // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2002. – № 4. – Page 11–17.

7. Lotman M. Yu. Talks about the Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – the beginning of the 19th century) / Mikhail Yurievich Lotman. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. – 544 p.

8. Mikhalkov N. S. Anna. From 6 to 18 [Electronic resource] / Nikita Sergeevich Mikhalkov. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=ohMPOCDhNd8>, free. It is checked 27.02.2018.

9. Platonov A. P. Cow [An electronic resource] / Andrey Platonovich Platonov. – Access mode: <http://ilibrary.ru/text/1191/p.1/index.html>, free. It is checked 25.03.2018.

10. Platonov A. P. Ditch: Collection / Andrey Platonovich Platonov. – M.: Olimp; AST, 1999. – P. 237–363.

11. Rosanov V. V. Religion. Philosophy. Culture: collection / Vasily Vasilievich Rosanov. – M.: Respublika, 1992. – 397 p.

12. Romanovsky S. I. Impatience of a thought, or Historical portrait of the radical Russian intellectuals / Sergey Ivanovich Romanovsky. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 2000. – 101 p.

13. Florensky P. To my children. Memoirs of last days / Pavel Florensky // Childhood Space: Anthology / editorial board.: A. A. Gryakalov (head) [etc.]. – M.: ROSSPEN, 2009. – P. 167–213.

14. Khrenov N. A. Images of «A great gap». Cinema in the context of change of cultural cycles / Nikolay Andreevich Khrenov. – M.: Progress-Traditsiya, 2008. – 536 p.

15. Epstein M., Yurkina Yu. Images of the childhood / Mikhail Epstein, Yulia Yurkina // Novyj Mir. – 1979. – № 12. – P. 242–257.

16. Jung K. G. Divine child: Analytical psychology and education: collection / Carl Gustav Jung; author P. S. Gurevich. – M.: Olimp; AST-LTD., 1997. – 400 p.